

ДИСКУССИЯ

На Третьем Всероссийском конгрессе фольклористов в ряду других ставились вопросы, связанные с идеологией и культурной политикой государства. Выступающие отмечали, что в отечественной истории фольклор нередко рассматривался как фактор, влияющий не только на рост патриотических настроений, воспитание национальной гордости, но и на формирование образа России. Участники Конгресса говорили о том, что в последнее время наблюдается тенденция подмены этнокультурных ценностей. Она заявила о себе весьма настойчиво и выразилась прежде всего в том, что знаками и даже символами России стали объявляться предметы и понятия, на самом деле таковыми не являющиеся. И речь здесь идет не только о таких востребованных туристами китчевых образах, как водка, балалайка, валенки и матрешки. Существенно важнее внутрироссийский взгляд на собственные этнокультурные ценности. Ведь многие элементы национальной духовности, способные стать символами России, таковыми не являются — отчасти в силу их плохой изученности, отчасти в силу «неяркой внешности», которая не способна привлечь неподготовленного человека.

Редакции альманаха показалось целесообразным продолжить обсуждение данной проблематики и предложить читателям статью Е. Э. Гавриляченко, в которой автор обратился к такой вызывающей постоянное обсуждение теме, как пробуждение казачьего тренда в постсоветской культуре. Исследовательница показала всю неоднозначность этого процесса, его несвязанность с процессами бытования аутентичной народной культуры. Текст статьи внутренне полемичен, его нельзя воспринимать как готовое решение поставленной задачи, но таков характер проблемы. Для специалиста на этом поле нет ответов, есть множество вопросов и поводов для тревоги.

Е. Э. ГАВРИЛЯЧЕНКО
(Москва)

«КАЗАЧИЙ» ВЕКТОР В ПОСТСОВЕТСКОМ СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Аннотация. В предлагаемой статье определяются значимые пути воздействия традиционной народной культуры на развитие социокультурной ситуации в России постсоветского периода.

Ключевые слова: традиционная культура, глокализация, фольклорные волны, казачество, современные условия.

В современном мире очевидна острота проблем сохранения и воспроизводства традиционных этнических культур. Глобализация, сопровождающаяся «выработкой общих политических, экономических, культурных и ценностных стандартов» [Политическая энциклопедия], инициирует унификацию значимых областей жизнедеятельности не только отдельных стран, но и крупнейших регионов, объединяющихся в социополитические, экономические союзы. Развитие коммуникационных сетей ставит под сомнение самую возможность разграничений (государственных, идеократических, религиозных, социокультурных), устраняет препятствия к взаимопроникновению культур. Не разрушая напрямую государственные границы, глобализация упраздняет основания «вестфальского» миропорядка. При этом возникают новые разграничения, уже не по национально-государственным признакам, а по зональным, объединяющим юридически независимые государства [Бек 2001]. Глобальные

модели переформатирования полюсов силы (полюсов привлекательности) предполагают унификацию не только производств и трудовых ресурсов, но и культур. Вернее, создание эквивалентных зональному разграничению субкультурных доминант, одновременно стирающих «этнографические частности» и абсолютизирующих идеократические моносистемы в виде «западных (либеральных) культурных ценностей», «ценностей всемирного халифата», которые в теории предполагают торжество одной из систем, уже окончательно в виде «мировой». Для культур, попадающих под влияние силовых полей (притягивающих или разрывающих), остается *глокализация*¹ как одна из возможностей сохранения национально ориентированной идентичности.

Глокализация, кажущаяся антитезой глобализации, совмещает в себе понятия «глобализации» и «локализации» и характеризуется акцентированным вниманием к локальным культурам. Согласно этой концепции, полное преодоление национальных культур исключается, однако это отнюдь не способствует их сохранению в аутентичном бытовании. Для глокализации характерно выявление продуктивных для транснациональной идеологии элементов той или иной культурной традиции с целью последующего введения их в сетевую систему. Показательными примерами могут служить этнические по происхождению жанры народной культуры (восточные, латиноамериканские, испанские танцы, сувенирная продукция и др.), которые, став брендами, по сути, оторвались от национальной аутентичности. Возникает своеобразный «междуна-

¹ В научный оборот термин *глокализация* был введен английским социологом Роландом Робертсоном для обозначения связи и взаимодополнительности двух одновременно идущих в современном мире процессов — гомогенизации и гетерогенизации. Как пишет Робертсон, «эти одновременные тенденции в конечном счете взаимодополняемы и взаимопроникают друг в друга, хотя, конечно, в конкретных ситуациях они могут прийти, да и действительно приходят в столкновение друг с другом» [Robertson 1995].

родный фольклорный интернационал». Унифицируя фрагменты традиционных народных культур, он создает новые направления в современной музыкальной культуре. Они включают в себя как оригинальные авторские произведения, так и трансформеры-симулякры, удобные для использования в сетевых коммуникативных и коммерческих системах, продвигающих «фольклорно-этнографический продукт».

Следует ограничить традиционные народные культуры в их реликтовом бытовании от разновидностей «фольклорно-этнографического продукта», сформированных международным спросом на этнику, предполагающих либо интеллектуальное арт-хаусное использование (типа World Music), либо широкое потребление в формах массовой культуры. Говоря о традиционной народной культуре в условиях глобализации, необходимо развести понятия *глокализации* как глобальной локализации национальных, этнических культур и собственно *аутентичных культур в их естественном функционировании*. «Тотальное, угрожающее вымывание аутентичных форм традиционной народной культуры из современной жизни побудило ЮНЕСКО перейти от политики охраны отдельных памятников культуры к политике защиты и сохранения фольклора/традиционной народной культуры как целостной системы. Итогом работы явилось принятие в 2003 г. Международной конвенции об охране нематериального культурного наследия с последующими дополнениями к ней [Бондарь 2010, 176]. В России, несмотря на отсутствие федерального законодательства, в ряде регионов приняты законы, направленные на сохранение и развитие традиционной народной культуры»².

Прошлое свидетельствует о неизбежности оформления социополитических процессов при помощи идеоло-

² В РФ помимо законодательства в области традиционной культуры в национальных округах, автономных республиках, краях проживания малых народов Севера, законы о сохранении традиционной народной культуры приняты в Вологодской обл. (2004) и Краснодарском крае (2007).

гизированной культуры, включающей фольклорную составляющую (фольклоризацию). В контексте данной статьи *фольклор* рассматривается не столько как традиционная народная культура, утратившая по разным причинам цельность органического бытования, сколько как искусственно вычленяемая ее часть, проектно используемая для обрамления политических, социокультурных изменений в жизни общества. В этой связи следует обратить внимание на не всегда очевидное разграничение *фольклоризации* и *глокализации*. Глокализация — своего рода экспортный презентационный вариант народной культуры, почти потерявший идеократичную наполненность. Фольклоризация маркирует внутренние процессы и особенно востребована в мобилизационные периоды культурно-исторических сломов, в периоды, когда объективно, неизбежно ставятся вопросы о дальнейших векторах социогосударственного переустройства.

В российском обществе за последние полтора столетия формировались особые отношения к народной культуре, в значительной мере отражавшие идеологию выбора цивилизационных путей развития (концепции славянофильства, западничества, глобализма, антиглобализма, евразийства, третьего пути и т. п.)³. Консервативно-почвенным направлениям присуще обращение к этноконфессиональным традициям. В нелиберальных «народная» составляющая, внешне маркирующая антиглобализм, либо цензурируется, либо является проектным элементом — глокализацией, встраивающейся в систему «общемировых», «европейских» ценностей, стандартов и смыслов. Фольклоризация, в отличие от глокализации, как способ сохранения фрагментированной традиционной народной культуры, одновременно становится одним из видов презентации «особого пути», без однозначного отрицания глобализации, но утверждающей возможность

³ Например, Г. П. Федотов, различая пути России и Запада, взаимосвязанных и в то же время самобытных, называл Россию «третий культурный материк между Европой и Азией» [Федотов 1996].

хотя бы частичного сохранения форм социального развития, осознаваемых как традиционные.

Применительно к современности глобалистские концепции столкнулись не только с финансово-экономическим кризисом, но и с социальным. Поставлена под сомнение базовая идея мультикультурного единства в рамках западной цивилизационной модели, нарастает европейский национализм и утверждение необходимости принимать как обязательные ценности культур государствобразующих народов. Кризис мультикультурализма выявляет роль и значение аутентичных культур в качестве эталонов этнической, национальной идентификации. Этот кризис можно рассматривать как проблему, которую разрешит «объединенная Европа», а можно и как трещину будущего глобального разлома, некогда поглотившего системы римского мироустройства, насильственного наполеоновского объединения Европы, британской колониальной системы.

Концепции мультикультурализма, удобные для проектирования либеральных социальных моделей, оказались недостаточно эффективны не только в среде, их сформулировавшей, но и в России, догматически принявшей их теоретическую ценность (нечто подобное, только в более грандиозном масштабе произошло с марксистской теорией). Трансплантация глобалистского мультикультурализма естественно предполагает процессы отторжения. Неизбежные социальные волнения, до этого трактовавшиеся «вульгарно-экономически» как протесты аутсайдеров, приобретают национально-националистический акцент. Отсутствие в современной России собственной разработанной объединяющей национальной политики в сочетании с маргинализацией советского идеологического и практического наследия в этой сфере остро ставит «национальный вопрос». Его острота во многом обусловлена именно разорванностью российской истории, отсутствием идеологической преемственности с тем, что за последний век трижды кардинально менялись социально-политические парадиг-

мы. Достаточно быстрое разочарование в идеологии неолиберализма (необходимость преодоления «парада суверенитетов») вновь возродило (порой в причудливых формах) уваровскую триаду. Судя по опубликованным материалам совещания Президента РФ с руководством обеих палат Федерального Собрания РФ (17.01.2011), заседания Госсовета в Уфе (10.02.2011), актуализировавших «русский вопрос», поставивших задачу вычленения «правильной народной культуры»; по следующим реакциям на проявления «русского национализма»; по предложениям о конституционном редактировании, создании специальных государственных органов, управленческих структур, «центров русской цивилизационности» можно прогнозировать новую волну фольклоризации социума, инициируемую «сверху».

Попытки декларированного обретения «национальной идеи» и подобные проекты требуют зримого оформления, чаще принимающего формы исторических реминисценций, фестивалей народной культуры и т.п. Устойчивая связь фольклора с социодинамикой позволяет рассматривать его как один из индикаторов социальной тектоники. Кратко остановимся на идентификационной функции фольклора. Причины вычленения фольклора из естества традиционной народной культуры [Народное музыкальное творчество 2005; Сухоруков 2001, 7], его фрагментирование и трансформации обусловлены процессами кардинальных реформирований российского социального устройства за последние полтора столетия. Повышенное общественное внимание к фольклору как национально окрашенному, признаваемому как ценность культурному «знаку» в эти периоды выражается в виде своеобразных фольклорных волн [Гавриляченко 2008].

Первая (со второй половины XIX в. до 1917 г.) и *вторая* (с конца 1930-х до конца 1950-х гг., до «оттепели») волны были обусловлены в разной степени радикальной изоляцией России — СССР от «цивилизационных» центров и прямой угрозой военного столкновения с их объединенной мощью. Фольклори-

зация становится значимым фактором социально-общественной жизни, прежде всего в мобилизационные периоды русской истории и отчасти в следовавшие за ними периоды победного торжества, с акцентированной памятью о «русском народе», «подвиге народном», о «народных жертвах». Однако «народная» составляющая умалется, вплоть до жесткого цензурирования, в идеологизированных формах воздействия на общественное сознание в периоды «европеизации», «модернизации», «либерализации» российского социально-политического устройства. *Третья фольклорная волна* (с начала 1970-х до конца 1980-х, отчасти 90-е гг. XX в.) характеризовалась поиском возможности национально ориентированного пути в рамках существующего социального строя⁴.

Обращаясь к прошедшему, убеждаешься, что ни один из «фольклоризованных» проектов не реализовался в полной мере, даже в периоды осознанной организационности и значительных государственных идеологических и материальных вложений. Причины можно видеть в «западном цивилизационном соблазне», «предательстве элит», «мессианской непосильной перенапряженности» и тому подобных реально проявляющихся факторах. Но именно неизбежность потрясений на границах цивилизационных разломов порождает цикличность фольклорных волн, значимо влияющих как минимум на внешность социодинамики.

Если предельно эскизно охарактеризовать особенности «волн», то первая и вторая — преимущественно «эпические», обращены к архаиче-

⁴ *Первая фольклорная волна* повлияла не только на культуру, но и практически на все проявления социальности, вплоть до реформирования «государственной внешности». *Вторая фольклорная волна* инициирована государством с мобилизационными и интеграционными целями (введение в широкий оборот национальных эпосов: их разыскание, публикация, распространение), продолжилась как реакция народа-победителя. *Третья фольклорная волна* — подъем интереса в обществе к крестьянскому фольклору и православной культуре, возникновение молодежного фольклорного движения.

ским пластам традиционной народной культуры. В первой волне наблюдался особый интерес прежде всего к замиравшей, но еще бытовавшей былинной традиции, во второй — к реконструкции древних национальных героических эпосов и закладка их в фундамент идеологизированного построения единой советской *общности*. Архаика оказала значительное влияние на профессиональную культуру⁵, а затем при ее посредстве на социальные слои, оторванные от крестьянской по существу, почвенной народности.

В отличие от первых двух фольклорных волн, в значительной степени иницированных сверху, подтверждающих проектность разработок «национальной», «общегосударственной» идеологии, третья волна — результат низового, фрондирующего давления, маркер нарастающего процесса осознания необходимости преодоления раздвоенности русской истории. Попутно в общем процессе фольклоризации следует обозначить тему «национального расслоения», тему нарастающей центробежности, со временем проявившейся в оформлении сепаратистских тенденций, что впоследствии инстинктивно точно будет названо «парадом суверенитетов» (в том смысле, что для парадов требуется именно аффектированная знаковость).

При исследовании «фольклорных волн» (как и других волновых социальных процессов, фиксируемых в иных терминологиях) [Петров 2006, 16—19] следует сразу же оговориться об отличии социально-антропологического изучения воздействий традиционной народной культуры от классических этнографических исследований. Одна и та же зафиксированная этнографическая данность по-разному функционирует и используется в конкретных исторических обстоятельствах. Но тем не менее при их кажущейся броуновской хаотичности в фольклорных волнах

⁵ В первую волну это «русский стиль», во вторую — оформление идеи «дружбы народов в единой общности “советский народ”» через национально презентационные формы.

вычленяются определенные тренды. Первый можно определить как «архаическая эпика». Второй тренд — «казачий», прослеживаемый во всех волнах фольклоризации: в двух первых — от многочисленных разбойных, протореволюционных «Стенек», «Кудеяров», до «Казачков в Берлине», «Кубанских казаков» — квинтэссенций победной государственности, верного служения, а в третьей — ставший доминирующим в среде молодежных фольклорных ансамблей.

«Казачий» тренд представляется во многом самоорганизующейся фольклоризацией. Для его понимания необходимо рассматривать казачество не только в его реальной деятельности, но и в виде мифологизированного феномена, оказывавшего и оказывающего воздействие на российскую культуру.

Корректное определение казачества как исторически сложившейся культурно-этнической общности [Донские казаки 1998, 339] требует хотя бы кратко объяснения его коренных отличий от иных русских региональных культур⁶. В общественном сознании казачество представляется формой вольной самоорганизации народа. Дошедший пласт казачьего песенного фольклора вообрал в себя непрерывность предания практически на всю глубину русской истории и фиксацию всех форм социально-государственных противоречий — от разбойности до монархичности. Народное представление о казачестве дополняется культурным мифом. На волне романтизма в литературе и искусстве XIX в. опозитизированное «вольное казачество» входит в триаду с «вольными цыганами» и «Кавказом». Одновременно формируется объективно противоречивое научное обоснование феноменологии казачества. Программная статья П. Б. Струве «Интеллигенция и революция» начинается с размышления о

⁶ Современная наука определяет казачество как субэтнос, т. е. исторически сложившуюся общность людей, возникшую в результате длительного и сложного процесса территориальной обособленности и специфики образа жизни [Донские казаки 1998, 339].

неизбежной периодичности смут в русской истории, с выделением казачества как основного элемента противогосударственного «воровства»⁷.

Реальное казачество, по крайней мере с середины XVI в., фиксируется в устойчивых народно-мифологизированных формах, отражающих фактические взаимоотношения с государством. Выделим его характерные черты, с разной степенью проявляющиеся и в современном казачьем векторе российской социодинамики.

1. Казачество — явление «пограничное», зарождается на стыке культурно-исторических, конфессиональных миров, утрачивает свое первичное значение, будучи инкорпорированным в государственное устройство, и периодически самозарождается (самовозрождается) с возникновением пограничных разломов (современные примеры — события в Приднестровье, на Кавказе).

2. Врожденная дуальность казачества, периодически колеблющего и воссоздающего государство.

3. Ощущение выделенности казачества из государственного устройства. Сохранение сущностной памяти о

⁷ «Носителями этого противогосударственного «воровства» было как в XVII, так и в XVIII в. «казачество». «Казачество» в то время было не тем, чем оно является теперь: не войсковым сословием, а социальным слоем, всего более далеким от государства и всего более ему враждебным. В этом слое были навыки и вкусы к военному делу, которое, впрочем, оставалось у него на уровне организованного коллективного разбоя.

Пугачевщина была последней попыткой повести против государства народные низы. С неудачей этой попытки казачество сходит со сцены как элемент, вносивший в народные массы анархическое, противогосударственное брожение. Оно само подвергается огосударствлению, и народные массы в своей борьбе остаются *одинокими*, пока место казачества не занимает другая сила. После того как казачество в роли революционного фактора сходит на нет, в русской жизни зреет новый элемент, который — как ни мало похож он на казачество в социальном и бытовом отношении — в политическом смысле приходит ему на смену, является его историческим преемником. Этот элемент — интеллигенция» [Струве 1991, 152—153].

«служении без холопства», «с травы и воды», о посольских взаимоотношениях даже в периоды полного «верно-монархического» служения периодически воссоздает своеобразный казачий сепаратизм, ясно проявляющийся во все периоды мятежных, революционных потрясений.

4. Одновременно с врожденным сепаратизмом, не менее значима идеология-память верного «православно-монархического служения».

5. Генетическая предрасположенность к воинскому служению, без которого утрачивается суть казачества, во многом составляющая суть его фольклора.

Казачество — не столько реальное, сколько воспринимаемое как социокультурный феномен, маркирует социальные тектонические разломы. Не случайно само слово «казаки» вызывает цепочку ассоциаций: «Разин», «пугачевщина»; «Белое казачество» — «казачья Вандея» — гражданская война — расказачивание; отдельные казачьи корпуса в Великую Отечественную войну, казачья колонна на Параде Победы; художественный фильм «Кубанские казаки» — наиболее яркий знак «дооттепельной» культуры; «возрождение казачества» на рубеже XX—XXI столетий.

В конце 1980-х — начале 1990-х гг. возникло общественное движение, в основе которого лежали идеи *возрождения казачества*. Начальный его этап можно воспринимать как самозародившийся идеократический проект, практически не контролируемый в последующем воплощении. Первое землячество казаков, инициированное представителями творческой и научной интеллигенции в контакте с Обществом охраны памятников и культуры, появилось в 1989 г. в Москве с целью распространения знаний о казачестве исторического, этнографического, художественного характера⁸. Вслед за московским стали создаваться землячества, общества, клубы, а затем и уставные общественные организации

⁸ Первое землячество казаков образовалось при Центральном доме пропаганды Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИиК) в Москве в 1989 г.

уже по всей стране, прежде всего на бывших территориях казачьих войск (на Дону, Кубани, в Астрахани, на Волге, Урале, в Сибири, Забайкалье и др.).

Идеи «возрождения казачества» получили резонанс в общественном сознании, став формой инициативной социальной деятельности, стремившейся влиять на общественно-политическую ситуацию. На «кругах» создавались Союзы казаков, «войска», провозглашались идеи восстановления традиций в области экономической, социальной, политической и духовной жизни, и, что особенно важно, утраченного статуса военного сословия. В 1990-е гг. казачество уже присутствовало в политике, принимая активное участие в событиях в Приднестровье, на Балканах, Кавказе, где знакомым оформлением волонтерства стала казачья атрибутика (фуражки, лампасы и пр.), поскольку добровольцы, отправившиеся воевать в «горячие точки», идентифицировали себя узнаваемыми символами, независимо от наличия казачьих корней. В этом прослеживается спонтанная идеологизация культуры данного сообщества, обретающей в моменты военных конфликтов полузабытые смыслы.

В постсоветский период в России самыми значительными регионами по численности и компактности проживания казаков остаются Дон и Кубань. Здесь идеи возрождения вызвали всплеск интереса к традиционной родовой культуре, активизировали общественное внимание к формам презентации как аутентичных, так и адаптированных ее образцов. С середины 1980-х гг. в практику вошло проведение фольклорных праздников, «Дней станиц», «Шолоховской весны» и других проектов.

Следует отметить, что этот процесс происходил на фоне объективно замирающей традиции. Известно, что песенно-музыкальный фольклор казаков на протяжении XX в. во многом сохранял сложный жанровый состав, особенности звукоизвлечения, другие характеристики локального стиля. Вплоть до конца 1990-х гг. на Дону и на Кубани существовали аутентичные

хоры и фольклорные ансамбли, состоявшие (полностью или частично) из пожилых казаков, владевших мастерством исполнения разнообразного репертуара, в том числе старейших пластов: исторических песен, фрагментов былин, духовных стихов. Ансамбли включали исполнителей, родившихся «до войны», до периода активного, всеобъемлющего воздействия СМИ, заместивших аутентичную «народную» стилизацией. Наблюдалась тенденция к росту авторитета аутентичной культуры среди части молодого поколения, ощущавшей ее ценность. Возникали разновозрастные фольклорные хоры и ансамбли, ставившие перед собой цель сохранить преемственность передачи. В определенной мере этому способствовало увлечение казачьим фольклором в среде городских участников молодежного фольклорного движения. Повышенный интерес к нему вполне объясним, поскольку эта традиция формировалась как мужская, воинская, в отличие от других сохранившихся в России и бытующих как преимущественно женские.

В последние годы наблюдается резкое сужение представительства аутентичной традиции. К примеру, результаты работы Кубанской фольклорно-этнографической экспедиции в июле 2010 г. показали, что лишь в двух станицах из обследованных шести удалось записать ансамблевое пение, а общее число ансамблей, в целом сохранивших ядро традиционного песенного материала, сегодня не превышает трех десятков. Сокращение аутентичной народной культуры в современной жизни Кубани происходит на фоне сближения фольклорных коллективов с народными хорами. Но даже всегда популярное на Кубани народно-хоровое направление в его самодельных версиях заметно уменьшило свое влияние в культурной жизни края. На конкурсах и фестивалях народного искусства все меньше звучит «собственно кубанских народных песен, реально бытовавших в станицах. При этом нарастает число композиций различного происхождения: популярных русских и украинских песен, как правило, исполняющихся в

обработке, авторских сочинений, в том числе эстрадных и прочих» [Жиганова 2010, 133].

Исследователь фольклора донских казаков Т. С. Рудиченко определяет два направления в деятельности ансамблей региона: ориентирующееся на аутентичное (т. е. близкое подлинному) и на стилизованное исполнение казачьих песен, воспроизведение ритуалов, пляски. К первому она относит коллективы, включающие коренных жителей станиц и хуторов, стремящихся к глубинному постижению казачьих певческих традиций, ведущих просветительскую и собирательскую работу. Лидерами среди них являются ансамбли «Старина», рук. Е. Фирсова (ст. Кумылженская) и «Бузулук», рук. Я. Иванов (г. Новоаннинск). Ко второму — филармонические коллективы Ростова-на-Дону и Волгограда, создающие театрализованные представления, красочные шоу на материале казачьего фольклора (Государственный ансамбль песни и пляски донских казаков — руководитель А. Квасов, Государственный ансамбль песни и пляски «Казачья воля» — руководитель Г. Боровков и др.), которые имеют многочисленных последователей в городах и поселках Ростовской и Волгоградской областей.

Оба направления, по мнению автора, унаследованы от предшествующих периодов более чем векового поиска адекватной формы адаптации традиционной культуры к новым условиям. «К сожалению, многие коллективы, сформировавшиеся в рамках эстетики аутентики, под влиянием различных факторов, среди которых на первом месте активная концертная деятельность, все более от нее удаляются...» [Рудиченко 2010, 140—141]. Особенно обостряется проблема межпоколенных связей. Исследователь считает, что примеров удачного опыта передачи традиций следующим поколениям в донском регионе слишком мало, воспитание в детских ансамблях в подавляющем большинстве случаев нацелено на публичные выступления, детьми усваиваются не традиционные бытовые стереотипы поведения (включая и воспроизведение образцов фольклора), а сценические.

В типологии фольклорных коллективов донского региона Т. С. Рудиченко не упоминает аутентичные ансамбли, состоящие из носителей традиции. Это симптоматично, учитывая ее мнение, что «традиционная культура и уклад жизни казачества уже давно стали областью исторического наследия», и функции трансмиссии традиционной культуры во многом взяли на себя стремительно развивающиеся информационные технологии, новые средства связи [Рудиченко 2010, 143].

Тем не менее до сих пор существуют ансамбли народных исполнителей, собираются на спевки, посиделки в клубах, которые стали для них в советский период истории привычным местом встреч. Показателем бытования народной культуры, в частности песенно-музыкального фольклора, является его использование в повседневной жизни: во время праздников — семейных и календарных, ритуалов — свадебного, похоронного и других, сохранение традиций в семье — в воспитании детей, в отношении к родителям, старикам, соседям, землякам... Очевидно, что это уже осколки традиционной народной культуры, однако она еще жива в людях, помнящих и способных воспроизвести ее элементы, передать свое знание другим поколениям.

Утверждение, что традиционная народная культура безвозвратно уходит из быта, в лучшем случае — превращается в культурное наследие и эта тенденция повсеместна, имеет под собой основание. На фоне изменения образа жизни, мировосприятия возникает феномен «второй жизни» традиционной народной культуры, который выражается в осознанном сохранении, попытках восстановления утраченных или полузабытых фольклорных текстов. В местах бытования традиции усилиями жителей (при поддержке специалистов — фольклористов, этнографов и без них) воссоздаются местные праздники, обряды и ритуалы (хотя бы фрагментарно). В городах любители народной культуры вводят ее элементы в собственную жизнь. За четыре последних десятилетия сформировалось общественное социокультурное

движение по освоению, сохранению и популяризации традиционной народной культуры — молодежное фольклорное движение, ныне структурированное в Российский фольклорный союз (РФС), своевременно возникший на границе ухода последних поколений прямых носителей традиции. Это общероссийская общественная организация, провозглашенная в 1989 г. «во имя изучения и воссоздания фольклорных традиций народов России как неотъемлемой части отечественной культуры и современного культурного процесса»⁹. РФС объединяет фольклорные ансамбли, центры, студии и школы традиционной народной культуры, историко-этнографические клубы и т. п. На сегодняшний день в поле деятельности Союза — около 900 творческих групп, коллективов из 78 регионов, среди которых и казахи области. В постсоветский период получили развитие различные общественные инициативы, связанные с культурой казаков. К ним можно отнести многолетнюю творческую деятельность участников фольклорных коллективов РФС, в частности московского ансамбля «Казачий Круг», давшего начало культурно-просветительской инициативе «Походь»¹⁰. Ансамбль казахской песни «Братина» в рамках Санкт-Петербургского фонда казахской культуры фактически явился инициатором и основным организатором создания Единого государственного фонда аудиозаписей российского фольклора¹¹.

Примеры можно множить. Взаимодействие с властными структурами, попытки влияния на культурную по-

⁹ Сайт Российского фольклорного союза. URL: <http://www.folklore.ru> (дата обращения 10.01.2014).

¹⁰ Ключевым направлением «Похода» стало «изучение, освоение и популяризация творчества, образа жизни, традиций и обычаев казачества как одного из самых ярких явлений в истории Российского государства». Сайт культурно-просветительской инициативы «Походь». URL: <http://www.pohog.ru> (дата обращения 10.01.2014).

¹¹ Сайт Мужского фольклорного ансамбля казахской песни «Братина». URL: <http://bratinafolk.com/bratina.php> (дата обращения 10.01.2014).

литику, образование, СМИ через участие в работе разнообразных комиссий (по молодежи при Президенте РФ, департаментов культуры Москвы, других городов и регионов, министерств и ведомств), сотрудничество с Русской Православной Церковью, со Всероссийским казачьим объединением — всё входит в сферу интересов участников Российского фольклорного союза, стремящихся к сохранению народных традиций.

Государственная политика по отношению к казачеству до сих пор носит неоднозначный характер. С одной стороны, казаки официально реабилитированы в перечне репрессированных народов, не затронувшем иные исторические сословия. Созданы и действуют государственные структуры «по делам казачества» в Администрации Президента РФ и на региональных уровнях [Российское казачество 2003, 62—63]. Однако принятый в результате многолетних обсуждений Федеральный закон «О государственной службе российского казачества» так и не определил его юридического положения, оставив казахи общества в статусе общественных организаций. «Но понятно, что в таком статусе оно просто не может выполнять свою основную историческую миссию, сегодня особенно востребованную, — обеспечение безопасности страны в ее регионах» [Ткаченко 2008].

Государство в лице своих законодателей, видимо, рассчитывает на резервность мобилизационно-патриотического потенциала казачества, не упуская из виду дуальность этой культурно-исторической общности, неоднократно влиявшей на ход развития Российского государства.

Исследуя влияние традиционной народной культуры на облик современной социодинамики, следует учитывать поляризацию внешних и внутренних оценок постсоветского состояния России.

Разнообразие исторических рефлексий и проекций — следствие тектонического давления, поднимающего среди других национальных вопросов, «русский», дотоле не актуальный в силу длительного отсутствия «порабощен-

ного сознания». Современный период российской истории характеризуется атомизацией социума, включающей и стратификацию по национальному признаку. Наряду с классическими примерами фольклоризации многочисленных национально-сепаратистских движений, следует обратить внимание на многовариантность транскрипций казачьего фольклора, существующего как достаточно целостное этноявление, сформированное в определенный исторический период (середина XVI — конец XVIII в.) в родственной бытовой и поведенческой среде. Позднее цельность казачьего фольклора постоянно дробится, становится предметом направленных воздействий¹². Для современности значительный интерес представляет двойственность трактовок казачьей этнографии на российско-украинском пограничном разломе. Если на Кубани не политизируется бытование «черноморской» традиции в ее отличиях от традиции «линейцев», то в современной Украине через казачью фольклоризацию выражается неизбежность государственных противостояний (борьба с Москвой в XVII в., Мазепа, уход запорожцев в Турцию после упразднения Сечи, переселение на Кубань, упразднение волостей Слободской Украины и т.п.).

При всей разновекторности современных социокультурных процессов очевидно стремление (государственное и общественное) сохранить российское (русское) влияние на постсоветском пространстве, хотя бы географически сопоставимом со сформированными глобальными центрами унификации

¹² В XIX в. через войсковой, полковой фольклор «сверху» инициировалась идеология верного монархического служения казаков, и одновременно тлея «бунташная» тема, заигрывающая с грозной разбойной силой. В Гражданскую войну акцентировалось вольное, независимое служение одновременно по отношению к «большой» России. В послереволюционный период вычленяется, поддерживается «бунташная», «антицаристская», антиклерикальная составляющие казачьего фольклора, а после Великой Отечественной войны опять выделяется как главное — верное государственное служение.

культур. Если 1990-е гг. характеризуются практически полным удалением даже фантомов традиционной народной культуры из медийного пространства [Гавриляченко 2009, 117—127], что совпадает с доминированием неолиберальной идеологии, то для последнего десятилетия, с его экспериментальными концепциями типа «суверенной демократии», характерно возвращение народной культуры в микродозах в сетевые воздействия на социум. И в интернет-пространстве и в государственных массмедиа заметно нарастание осознания значения народной культуры¹³. Не вдаваясь в подробный анализ сеток вещания и интернет-статистику (что может стать предметом специального исследования), можно констатировать «казачий тренд» в медийном пространстве. Примером может служить факт почти обязательного для большинства телевизионных фольклорных проектов и «кремлевских концертов» участие Государственного Кубанского казачьего хора под управлением В. Захарченко. При этом очевиден дрейф этого коллектива от стремления к сохранению в сценической форме аутентичного фольклора в сторону авторской его стилизации, во многом повторяющей опыты как советской, так и эмигрантской фольклоризации. Применительно к избранной теме важен сам факт «казачьего» монополизма и обоснование причин его устойчивого доминирования. Среди разнообразия региональных этнографических традиций казачий фольклор отличают «бодрое удалство», глубина родовой памяти от былинных протоказачьих времен до начала XX в., «воинский дух», фиксирующий поведенческие стереотипы в ситуациях противостояний (межэтнических, межконфессиональных, межгосударственных).

Доступность освоения в разной степени адаптированного казачьего фольклора не только в профессионально

¹³ Специально не упоминаем независимые, т. к. в большинстве своем, находясь в оппозиции к «власти», они преимущественно продвигают западную цивилизованность, как минимум не чуткую к проблемам фольклора.

подготовленных средах придает ему функциональную многозначность: в диапазоне от сложной аутентики, требующей погружения в традицию, до глокализованного «застольного» песенного свода («Ой, да не вечер», «Любо, братцы, любо», «Распрягайте, хлопцы, коней» и пр.), обязательного для всех, кто «казаками быть хотят».

Многовариантность архетипов, скрытых в казачьем фольклоре, позволяет варьировать его использование в инструментальных целях. Если согласиться, что среди задач, стоящих перед современной российской государственностью, одними из основных являются противостояние внешней маргинализации «исторической России — СССР»; сохранение влияния на постсоветском пространстве; преодоление факторов потенциальной центробежности; разработка централизующей «национальной» («русской») идеи, — учитывая при этом исторический опыт разрешения подобных задач, то можно решиться осторожно прогнозировать умеренную фольклоризацию, одним из знаков которой, скорее всего, будет мифологизированное «казачество» с его культурной традицией.

Литература

Бек 2001 — Бек У. Что такое глобализация? М., 2001. URL: <http://www.twirpx.com/file/400533/> (дата обращения 10.12.2013).

Политическая энциклопедия — Большая актуальная политическая энциклопедия / под общ. ред. А. Белякова и О. Матвейчева. URL: <http://politike.ru/dictionary/839/word/globalizacija> (дата обращения 08.12.2013).

Бондарь 2010 — Бондарь Н. И. Традиционная народная культура: многообразии «вторичностей» // Вторичные формы традиционной народной культуры. Мат. науч.-практич. конф. Краснодар, 2010. С. 175—184.

Гавриляченко 2008 — Гавриляченко Е. Э. Фольклорные волны в культуре России и «молодежное фольклорное движение» 1980—2000 гг. Дис. ... канд. культурологии. М., 2008.

Гавриляченко 2009 — Гавриляченко Е. Э. Фантом фольклора в медийном пространстве // Наука телевидения. Научный альманах. Вып. 6. М., 2009. С. 117—127.

Донские казаки 1998 — Донские казаки в прошлом и настоящем / под общ. ред. проф. Волкова Ю. Г. Ростов-на-Дону, 1998.

Жиганова 2010 — Жиганова С. А. Народно-музыкальные коллективы кубанских станиц на рубеже XX—XXI вв., их виды и деятельность // Вторичные формы традиционной народной культуры. Мат. науч.-практич. конф. Краснодар, 2010. С. 129—135.

Межуев 2005 — Межуев В. М. Глокализация // Теоретическая культурология / отв. ред. О. К. Румянцев; ред. А. Ю. Шеманов. М., 2005 (Энциклопедия культурологии / гл. ред. серии К. Э. Разлогов. Т. 1). С. 450—452.

Народное музыкальное творчество 2005 — Народное музыкальное творчество // отв. ред. О. А. Пашина. СПб., 2005.

Петров 2006 — Петров В. М. Системность социокультурной сферы: механизмы, реализующие динамику // Объект исследования — искусство (По страницам «Культурологических записок»). М., 2006. С. 13—30.

Российское казачество 2003 — Российское казачество. Научно-справочное издание. РАН, Институт этнологии и антропологии. М., 2003.

Рудиченко 2010 — Рудиченко Т. С. Традиционная культура донских казаков и социальные процессы конца XX — начала XXI в. // Вторичные формы традиционной народной культуры. Мат. науч.-практич. конф. Краснодар, 2010. С. 136—146.

Струве 1991 — Струве П. Б. Интеллигенция и революция // Вехи. Из глубины. М., 1991. С. 150—166.

Сухоруков 2001 — Сухоруков В. Историческое описание Земли Войска Донского / коммент., доп., вступ. ст. Н. С. Коршикова и В. Н. Королева. Ростов-на-Дону, 2001.

Ткаченко 2008 — Ткаченко П. Русские люди казаками хотят быть! // Конференция «Казачество в истории России». 27.06.2008. URL: <http://www.zimovaya.ru/polemika/russkie-lyudi-kazakami-hotyat-bytj.html> (дата обращения 20.04.2012).

Федотов 1996 — Федотов Г. П. Судьба и грехи России. Избранные статьи по философии русской истории и культуры. Т. 1—2. 1992. Цит. по: И. В. Нестеров, В. Е. Хализев. Культурология XX век. Энциклопедия. М., 1996. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_culture/711/ФЕДОТОВ (дата обращения 10.12.2013).

Robertson 1995 — Robertson R. Glocalization: Time-space and homogeneity-heterogeneity // *Global Modernities*. 1995.

Summary. *The purpose of this article is to define the most significant ways of the traditional national culture's influence on the sociocultural situation in Post-Soviet Russia, and its development.*

Keywords: *traditional culture, glocalisation, folklore waves, Cossacks, modern conditions.*